

Г. Г. ФЕОКТИСТОВ

•

С Л О В А

с к а з а н н ы е
и п р о ч и т а н н ы е

Геннадий Феокистов

Слова: сказанные и прочитанные

«Алетейя»

2018

УДК 82-84
ББК 94.8

Феоктистов Г. Г.

Слова: сказанные и прочитанные / Г. Г. Феоктистов —
«Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-50-3

Подборка авторских текстов-максим по общественно-политическим областям знаний, в сопровождении с выписками из оригинальной литературы по указанной тематике, в частности по философии, психологии, политологии, истории, из книг по религиям Востока. Использованные выписки не пересекаются с широкотиражированными сборниками афоризмов, «мудрых мыслей» и т. п. Содержание книги может представлять интерес как для широкой публики, интересующейся гуманитарной культурой в качестве целостно функционирующей структуры, так и для студентов, желающих приобрести более широкий взгляд на жизненные явления.

УДК 82-84
ББК 94.8

ISBN 978-5-907030-50-3

© Феоктистов Г. Г., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	7
Быстрые заметки	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Генадий Георгиевич Феоктистов

Слова: сказанные и прочитанные

© Г. Г. Феоктистов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Вместо предисловия

Лежащая перед Вами книга появилась, в значительной мере, в качестве непредумышленного следствия занятий по освоению литературы по философии, психологии, истории, отчасти политологии. В процессе работы с указанной литературой мне показалось целесообразным выписывать отрывки, которые либо содержали значимые, по моему мнению, положения, либо привлекли моё внимание формой или стилистикой изложения. По мере усвоения содержания изучаемых текстов постепенно появилась потребность фиксировать свою рефлексию на прочитанное в виде «откликов по поводу» в достаточно свободной форме, без жесткой привязки к конкретным источникам.

Со временем объём выписок такого рода достиг довольно внушительного уровня. К тому же он периодически дополнялся отрывками из художественной, религиозной и т. д. литературы. Определённый вклад внесло и моё увлечение культурой Востока: Китая, Японии, Индии. В последнем случае, применительно к содержанию данной книги, это выразилось в появлении выписок из сборников китайских чаньских афоризмов.

Так как получившаяся подборка выписок явно отличалась от многочисленных сборников афоризмов, «мудрых мыслей» и т. п., то мне показалось целесообразным опубликовать её в расчёте на привлечение внимания читателей, готовых потратить своё время на знакомство с иными точками зрения по осмыслению событий жизни в различных её проявлениях.

Книга состоит из трех частей: первая представляет собой ассоциативные авторские тексты на прочитанные книги; вторая – основная, содержит выписки из различных прочитанных книг; третья посвящена такому своеобразному явлению психологии западного общества, как ресентимент, явлению возникшему на базе феномена христианского кенозиса – самоуничтожения бога и получившего в западном обществе дальнейшее развитие вплоть до настоящего времени в форме претензий агрессивного доминирования социальных меньшинств. Выписки из основополагающих работ Ф. Ницше и А. Шелера по данной тематике составляют содержание третьей части.

Хотелось бы надеяться, что представленный материал заинтересует желающих познакомиться с нестандартной подборкой текстов по самопознанию общества, ибо любые мысли, представленные на суд общества, всегда, в конечном итоге, являются самооценкой этого общества, а, значит, заслуживают, если не пристального изучения, что часто бывает не всегда возможным, но хотя бы внимания читающих.

Часть первая Сказанное

Быстрые заметки

Мы все говорим одно и то же, но разными словами.

Не вечность – ребёнок (*Гераклит*), но время, – всегда растущее.

Общение создаёт человека, одиночество – сохраняет.

Можно вернуть всё, кроме времени, потраченного тобой. Или на тебя, потраченного кем-то.

Нельзя начинать жизнь всё время сначала. У неё должны быть и итоги.

Современный человек – человек растерянный. Он – дитя случая, цепляющийся на кажущуюся определённость разума.

В гении персонифицируется и осознается вся предшествующая культура.

Любое совершенство предназначено для загробной жизни.

Ср.: Старый господин всё время совершенствовался и познавал истину, а когда его добродетели достигли предела, он вознесся к «бессмертным».

/«Сон в красном тереме». Т. 2./

Спор, по существу, есть признание зависимости от мнения окружающих.

Ср.: Блад не собирался спорить. Он, как мы говорили, был самостоятельным человеком /*Саббатини*. Одиссея капитана Блада./

Мистик – человек, живущий опытом живого общения с Богом. Этот опыт является смыслом его существования в собственном мироощущении.

Молитва наделяет Бога личностным существованием в сознании верующего. Но Бог есть существование как таковое, вне какого-либо общения. Ветхий Завет, тем не менее, вынужденно нарушает собственные установки.

Христианство – первый опыт трансформации и управления массовым общественным сознанием на основе априорно заданной, умозрительной, догматики.

Ап. Павел – первый практикующий психолог. Он же первым, по существу, использовал приёмы НЛП с якорями вида: воскресение, спасение, царство Божие, Страшный суд, смерть смерти и т. д. через внушение веры.

Человек – дитя заложенного в нём на уровне подсознания ритма. Музыка и стихосложение – начала его интеллектуального развития. Проза ему далась значительно позднее. Даже в математике он неизменно пытается мыслить ритмическими процессами. Последний пример: теория струн. В периоды катаклизмов и деградации своей истории массовое сознание становится рабом ритмов.

Группы людей, объединённых общим эмоциональным зарядом, настроением, всегда обнаруживают черты первобытного стада.

Мир – дитя случая. Если бы он был продуктом разума, то судьба его была бы трагичной, ибо разум всегда ограничен.

Человечество обнаруживает на уровне глубинного сознания ожидаемую однородность. Собственно поэтому применяемые психологические технологии одинаково эффективны во всех странах мира.

О том же свидетельствует и одинаковость первооснов различных религий: и Брахман, и Яхве являются вечной и неизменной первоосновой всякого существования, непредставимой вневременной реальностью существования.

Разум освобождает нас от определенности инстинкта, предоставляя взамен случайность свободы.

В действительности все было не так, как это происходило на самом деле.

Чтобы познать жизнь, нужно утратить веру.

Познание начинается с замены определенности веры на случайность гипотезы.

Смерть – слуга двух господ: Бога и Чёрта. Она свой человек и в раю, и в аду.

Счастливым нельзя стать, – им можно только быть.

Наиболее жизнь беспощадна к умным людям со средними способностями. Их иллюзии она разрушает наиболее неотвратимым способом.

Всякая мысль есть проявление сомнения, вера – безусловна.

Правда – это история, рассказанная не со всеми подробностями. Подробности всегда лгут.

Есть ли ответ на вопрос: Что мы есть? Или мы всегда «будем»?

Иногда все именно так, как оно выглядит.

Индивидуализм – это идеология обречённых на случайное бытие.

Зло мы познаем непосредственно, на основании опыта жизни. Существование «Благо» мы предполагаем, отталкиваясь от познанного «зла».

«Зло», в этом смысле первично. Бог есть порождение Зла.

Правда – это отпечаток профиля истины.

Мысль и вера не предполагают локализации местоположения и во времени. Для субъекта мысли они существуют вне его (его мозга).

Для Кумрана (и христианства) мысли о мире и грехах с ним связанных исключаются верой. Для индусов – исключением мысли как таковой.

Nunc stans – вечное сейчас. По Боэцию есть состояние вечности. Но является ли вечность бесконечностью? Ведь вечность всегда сейчас и здесь.

Бесконечность можно понимать всю сразу целиком, принимать её в целом и мгновенно. Или рассматривать как перечисляемую последовательность во времени и в пространстве. Европейец предпочтёт динамику последовательности, индус – стремление к статике всобщности.

Психологические свойства в качестве интенционально оформленной мысли, как правило, локализованы (в субъекте, в его конкретном месте – большом пальце, «в душе» и т. д.).

Обычно считают, что воображение предваряет действительность, в то время как оно всегда есть лишь следствие её.

Будущее – это пустота, наполненная призраками прошлого, неумолимо втягивающая нас в себя.

Его никогда нет, но мы всегда замещаем его прошлым. Будущее – воспроизводство прошлого (в физике: законы – будущее дань прошлому).

Будущее – это «черная дыра», о которой мы никогда не знаем, но о существовании которой догадываемся по окружающим её артефактам взаимодействия с настоящим и прошлым.

В будущее мы пятимся спиной с лицом, обращенным в прошлое. Будущее всегда в «прошлом» – за спиной. /Ср. у греков/.

Образование – это проект размещения прошлого в пустоте будущего с целью его виртуальной оптимизации.

Бог игнорировал мир Земли, дьявол игнорировал мир Небесный. Но в отличие от Бога, он был всегда готов к переговорам. Он всегда готов посетить Небо. У Бога же не возникало даже желания побывать на Земле.

Дьявол всегда готов лично общаться с людьми, Бог – только через посредников.

Смирил я в себе гордый дух, чтобы в себе не встретить вскоре двух.

Бог есть мечта человека о всемогуществе, возможность приобщения к нему, хотя бы виртуально.

Бог исчезает с исчезновением человека.

Познание Бога через мистический опыт – чисто психологический феномен.

Сошествие Св. Духа – единство коллективного опыта одержимости Христом, «зомбирование во Христе».

Истоки этики шире религии. Религиозное сознание лишь один из возможных инструментов введения и оправдания этики.

Ошибка марксизма в том, что вместо иррациональности абсолютного Бога и Царства Небесного, он поставил своей целью построение идеального общества на основе абсолютного разума. Иррациональность деятельности разума он не принимал. Провал исходной христианской программы построения Царства Божия на Земле игнорировал.

Мужчина создаёт образ женщины в своём сознании, женщина – свой образ в мужском сознании. То есть в первом случае, «свое» отождествляется с «чужим», «иным», во втором случае – «чужое» воспринимается в качестве «своего».

Коммунизм – это миф, но этот миф стоит жизни.

Ко всему можно привыкнуть, даже к одиночеству внутри себя.

Абсолютизация индивидуальности может осуществиться и осуществляется только в моменты «социального небытия» (не сущего, по классической философии), т. е. во времена смены качества общества, в моменты бифуркаций.

Йога предлагает индивидуальность спасения в уходе от своего «Я» через слияние с вневременным абсолютном всеобщности.

Идеал святого приближается к типу «живого мертвеца». В Индии им является дживан-мукта («освободившийся при жизни»). /См. М. Элиаде/

Как первоначальное христианство, так и йога ставили своей задачей уход от мира. Различие заключалось лишь в социальном аспекте: йога практиковала отрицание мир как такового на индивидуальном уровне, уход от него в «небытие»; христианство – построение Царства Божьего на земле. Но оба не ставили своей целью достижения бессмертия.

Об отношении к страданию:

для христианства характерно положительное отношение к страданию как к части Божественного плана на пути к конечной цели – Царству Божьему. Страдание есть вид отказа, жертвы. Избежать его невозможно. /Ср. Страсти Господни, аскетизм и т. д./;

буддизм также рассматривает страдание как неизбежное состояние жизни в этом мире; но он предлагает уход от этой жизни (а следовательно, и от страдания) в иной мир восприятия её, творимого самим верующим.

В христианстве страдание – путь приобщения к истине Бога, обретения благодати. Страдания исцеляют человеческую природу.

Бог, будучи неизменным в трансцендентности своего существования, осуществляет исцеляющую функцию человечества через посредничество страдания Сына.

И христианство, и индийские учения обещают «освобождение»: первые – от греха, вторые – от страдания.

Идея «кенозиса» позволила «уровнять» Бога до уровня верующего, сделать его доступным для сравнения, хотя бы через посредника, для реализации «жизни во Христе» в ничтожности жизненных притязаний.

Писатель в своих произведениях пишет всю свою жизнь свой некролог.

Ложь отличается от правды (точнее от того, что мы называем правдой) только точкой зрения.

Нет ничего лживее движения, ибо оно возбуждает неопределённость грядущего.

Суть любой гипотезы лежит всегда вне её.

Мир – дитя случая. Если бы он был продуктом разума, его конец был бы трагичен.

Человек никогда не живет в целочисленном мире: он всегда либо больше, либо меньше самого себя как некоторой самодостаточной единицы, будь то в браке или один, в обществе или на необитаемом острове. В сущности, он есть своеобразный фрактал типа канторовского множества, длина составляющих отрезков которого, в конечном итоге есть нуль. Но, обычно, выясняется это слишком поздно.

Дал я дорогу ногам своим...

/Египетский папирус II тыс. до н. э./

Тот, кто женат, разве ищет ветер?

Человеческое общество есть общество предикатных отношений. Собственно человек – субъект в нём не фигурирует. Он – лишь бессловесный носитель.

Сходство явленных феноменов не определяет сходство сущностей.

Вне государства нет нравственности.

Когда человеку нечего сказать, – он вступает в спор.

Само понятие «я» есть лишь отражение его непрерывного отрицания в ходе внутреннего диалога с самим собой.

У бессмертия нет будущего.

Только в силу ненужности своей на Земле, человек может быть хотя бы в принципе свободным.

Необходимость кому-то, в том числе и самому себе, лишает его свободы. Но наделяет чувством необходимости и полезности.

Как только человек осознал в себе разум, то, поразившись его возможностями, поспешил его абсолютизировать, подчинив ему и природу, и самого себя. Воистину: «искал Бога», а нашел человека. И добавим, – не узнал себя.

Бог есть инстинктивная необходимость первобытного стада в вожак. Социальность актуализирует эту потребность в том или ином рационализированном обобщении.

Прошлое подобно свету погасшей звезды: несуществующее для нас остается надолго сущим, актуальным. А иногда и навсегда.

Правая, левая, где сторона? Улица, улица, ты, брат, пьяна! /из песни/

Основной методологический принцип философии: познаваемое не выше познающего, включенного во всеобщее (сущее). Предмет философии: динамика соотношений между указанными составляющими.

Действующие законы весьма часто искажают первоначальный замысел и облик законодателя, чем-то напоминая историю об изобретении Афиной флейты, издававшей чудесные звуки, но при этом уродовавшей облик богини. Отброшенная ею флейта была подхвачена и использована Марсием с довольно плачевными для него последствиями.

Талант, в сущности, является своего рода кастрацией полноценной личности (т. е. посредственности), а между гением и импотентом – глубокое внутреннее сродство.

Все достижения человеческой интеллектуальной деятельности являются продуктом культивируемой патологии, отклонения от природной нормы.

Истинным бытием для нас являются миражи нашего мышления.

Осмысление тайны идёт за пределами рационального.

Одни читатели ищут себя в авторе, другие – автора в себе; их объединяют поиски «иного». Автор является творцом «иного», опрокинутого на себя.

Мир отвернулся, предоставив нам бесконечное блуждание в самих себе.

Ницше любил людей..., до безумия.

Иисус и ап. Павел – это принципиально разные типы проповедников. Один шел в народ вне города (крестьянство), второй проповедовал среди городских низов. Один избегал синагог, второй начинал свою проповедь в любом городе с них. Первый ощущал себя земным вопло-

щением божественной силы, второй видел своё предназначение в служении ей. Первый жил проповедуемым, второй учил поклонению его имени.

«Книжники» – первый пример общественной агрессивности интеллигенции.

«Священное» – это погружение в подсознание.

У Павла вывод рассуждений – безусловен, у Иисуса в притчах – предполагаем.

Притчи – это способ взглянуть на обычную жизнь иными глазами. В этом они созвучны коанам.

Политическая теория только тогда становится действительностью, когда обретает форму мифа.

«Событие» – всегда явление новой сущности, связанное с выделением новой начальной временной точки отсчета.

Религия – знаковая система, в которой собственно знак стал самостоятельной «реальностью», новой «сущностью», т. е. «инверсированной реальностью».

Законы допускают возможность, но выбор осуществляем мы сами.

Личность начинается с осознания своей индивидуальности, но реализуется в умении ею управлять и проявлять её во внешней манифестации.

Культура прошлых поколений доходит до нас в образе смерти, – памятников навсегда ушедшего. Человек не захотел смириться с эпизодической ролью кладбищенского смотрителя и для самооправдания своего существования утешился в великой иллюзии «бессмертной души», как отражения нескончаемого потока многоликой культуры «сущего».

Покой – это отсутствие сопротивления. И внешнего, и внутреннего. В этом суть тождественности движения и покоя: «двигаясь, покоясь».

Классический идеал объективности – вневременен.

Он ведёт свое происхождение от абсолютной идеи Платона и утвердился в западном мышлении через христианство с его «Божественным предначертанием» и абсолютности источника бытия – Бога.

В политике нельзя иметь «долгую» память или, по крайней мере, слишком часто её демонстрировать.

Этика лишь раздел философии, а не вся философия.

Не природа создана для человека, но человек лишь часть природы и не самая главная. Собственно, для природы нет и самого понятия – «главное».

Счастье не бывает удобным.

В настоящее время основное положение марксизма, что тип собственности определяет характер общества, всё больше переходит в свое отрицание. Сейчас, пожалуй, с большим основанием можно утверждать, что самосознание общества, его идеология навязывают обществу и вид хозяйствования, и тип собственности.

Человек всегда был, есть и будет статистическим элементом общества и, осознавая это, внутренне признал неизбежность такого состояния, придумав концепцию индивидуализма, – иллюзии всегда скрашивают действительность.

Абсолютное знание лишает потенции развития.

Один древний автор сказал, что у каждого спящего свой мир, но лишь пробудившиеся ото сна живут в одном общем мире. Возможно, в древних обществах это было и так. Но сейчас явно преобладает противоположная тенденция: нас объединяет общее бессознательное – сон, но пробудившись, мы стремимся замкнуться в своей индивидуальности.

«Понимание» есть форма соучастия.

Всё было ... В конце концов, даже «черный квадрат» Малевича всего лишь изнанка «белого дракона» китайцев.

Индивидуальную безнравственность всегда определяет (чаще подавляет) общественная нравственность.

Прогресс в области нравственности определяется не характером совершаемых поступков (уровнем осуществляемой нравственности), но степенью осознания их нравственной основы (уровнем императивной нравственности).

Жизнь, всё же, – иллюзия несостоявшейся жизни.

В конце концов, достичь истины значительно легче, чем не разочароваться в ней впоследствии.

Эффекты воздействия катарсиса и сатори глубоко родственны, изменяя лишь оценочную функцию восприятия действительности, приводя к иллюзорному миру собственного «я».

Ожидать успеха в ожесточенной политической борьбе, проповедуя широкую терпимость ко взглядам своих оппонентов, столь же наивно, как ожидать от импотента прибавления в семействе.

Познание – самый тяжкий вид иллюзии.

Для человека всегда существует только свое «я». «Он» – это «я», но в оболочке «его». Поэтому отношение к другим – это решение вопроса: готов ли «я» разделить своё «я» на других, или моё «я» неделимо?.

Каждый предаёт по-своему, – себя, близких, свою страну.

В русской литературе путь от Евгения Онегина до Евгения Арбенина оказался весьма коротким. Оба оказались в ней «по случаю».

Логика редко предшествует событиям; обычно она, подобна Богу, является вслед, чтобы рассудить произошедшее.

Российская интеллигенция до сих пор не может «переварить» своей образованности. Она искренне полагает, что полученный диплом даёт ей право на свободный вход на Олимп, на приобщение к сонму «небожителей» и их непогрешимость. Отсюда безапелляционность её выводов и агрессивность их последствий. Впрочем, это болезнь интеллигенции любого народа, особенно, «интеллигенции первого поколения».

Для судеб человечества более важна не абсолютная справедливость, а её историческая необходимость.

Миф – коллизия, возникшая в сознании и не имеющая субъекта в природе.

Миф основан на тайне и предлагает свой способ её решения. В этом он глубоко родственен детективу и его персонажи суть персонификация знаковых функций.

Миф – функция взаимодействия знаковых олицетворений.

Мифологическая система – знаковые воплощения в пространстве их взаимодействий.

Любить труд нельзя как таковой. Но процесс труда является идеальным средством отвлечения от забот каждого дня и дает чувство удовлетворения достижением результата.

Диалог – это отложенный конфликт.

Любая абсолютная логическая система кончается абсурдом.

Понимание прошлого обычно приходит в будущем, когда уроки извлекать уже поздно.

Повторяющаяся сплошная причинно-следственная связь чаще всего является закономерной в отличие от единичной, простой.

Бог – всего лишь зеркало наших сомнений в самих себе.

Политику нельзя воспринимать всерьёз, но относится к ней необходимо чрезвычайно серьёзно.

История – такой же случайный процесс, как квантовая механика: мы переходим от одного состояния к другому, не понимая произошедшего, лишь фиксируя произошедшее.

Чем полнее мы используем логику, тем больше мы удаляемся от природы.

Любая логика по необходимости догматична. Отношения в ней есть отношения взаимоисключающих догматических положений. Заимствование положений из альтернативной логики приводит к ликвидации замкнутости рассматриваемой системы логики, к образованию «открытой» системы положений, не могущей не содержать внутренних противоречий.

Логика с различными основаниями не могут образовывать взаимосвязанный комплекс – «симбиоз», либо дополнять друг друга. Они могут лишь взаимоисключать друг друга.

Отсюда проблема «Восток – Запад». Здесь диалог лишь исключаящий.

Жизнь принципиально алогична, а её возникновение – вне логики. Природа не имеет логики, – что может быть абсурднее, чем «логичный атом».

Революционная целесообразность – необходимый правовой институт чрезвычайного времени, периода апробации возможных вариантов юридического оформления нарождающегося общества.

Лучший способ похоронить истину и справедливость – достичь компромисса. Компромисс – могила для идеалов.

Революция вдохновляется чистыми идеями, провозглашаемыми гениями. Контрреволюция преследует всегда корыстные интересы и осуществляется посредственностями.

Спор не проясняет истины, но выясняет невозможность соглашения, если под последним понимать истину. Впрочем, любой диалог, в лучшем случае, может привести к компромиссу, т. е. к отложенному продолжению диалога. Окончание диалога происходит лишь в возможности игнорирования точки зрения оппонента. Например, в случае его смерти.

«Человек, шампанского и искусства...»

/Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала в Петербурге/.

Всё действительно действительно.

Настоящее актуально в прошлом, а прошлое – в будущем.

Первой жертвой компромисса всегда бывает истина, второй – справедливость.

В поисках Бога мы постоянно наталкиваемся на самих себя.

Бог есть мера соотношения рационального и эмоционально-иррационального в человеческом сознании.

Именно потому, что бог создал человека несовершенным, человек приобрел возможность саморазвития. Несовершенство таит в себе огромные возможности.

Идеал демократического государства – иметь дело с толпой частных интересов.

Для Я: смерть – всегда в будущем, настоящее – всегда в прошлом.

Сталинизм – это доведенное до предела видимость «рационального» воплощения марксизма в практику. В своей основе – это воплощенная традиция.

Не один создатель общественно-политических, философских, религиозных систем никогда не разделяют свои взгляды. Он всегда вне их. Ср. К. Маркс: «Я – не марксист».

Иисус чем-то предвосхищал в своем отношении к жизни и к окружающим М. Лютера.

Пессимизм есть состояние в высшей степени динамическое: он непрерывно проектирует настоящее на будущее с отрицательным знаком. То же, впрочем, относится к оптимизму, но с другим знаком.

Если этот народ хорошенько не ограбить, то он работать не будет. /Высказывание функционера из правительства Ельцина/.

Отнять всё, т. е. сделать нестрадающим от привязанностей – лучший способ сделать управляемым, лишенным моральных установок. «Демократы» это блестяще почувствовали в духе Дзэн, хотя в последнем цель – обрести единство с миром, здесь же отделить человека от мира. Впрочем, противоположности суть одно.

Обрести себя везде.

Пока человек жив – он смертен. После смерти он, по определению, бессмертен.

Постигающая мысль должна выйти за свои пределы, если стремится к постижению истинной реальности.

Афоризм, чаще всего, не сама ситуация, а её предложение.

Идея продуктивна только тогда, когда осуществима в обозримом промежутке времени. Иначе она вырождается в пустую игру ума, спекуляцию. Особенно, идея общественная.

«Единство в тленном через единство в нетленном». /Дидахе 4.8/ (Основной методологический принцип создания идеологического движения – партии. Ср. с аналогичным тезисом В. Ленина.)

Даже самая темпераментная женщина в постели расчетливее самого холодного мужчины.

Не знаю, существует ли женщина, которую может полностью удовлетворить мужчина, ибо «цену в подобном случае», как свидетельствует Шамфор, «назначает воображение».

Афоризм – знаковая формула ситуации без пред'истории её возникновения и часто без рецептуры её разрешения.

Обладание женщиной даёт нам не чувство насыщения и опустошённости, но вечное стремление неудовлетворенности.

Наше поведение определяет не ситуация, а представление о ней.

Наиболее пессимистичны в своих прогнозах на будущее те, кто уверен в своём будущем.

Поиски истины часто скрывают неразборчивость в средствах.

Те, кто громче всех призывают к поиску истины, обычно не могут отчетливо сформулировать, к чему зовут. Чаще всего ими движут повышенная эмоциональность некомпетентного ума, а иногда и просто плохое пищеварение.

Управлять – значит упорядочивать.

Правило есть насилие над человеческой личностью, им создаваемого.

Для женщины будущее всегда относительно (настоящего), но прошлое – абсолютно.

В любви один обманывается, другой лжет.

Толкование текстов определяется не заложенной в них истиной, которую нужно выявить, но поставленной целью толкователя.

Юридический закон есть скорее пожелание, нежели обязательное руководство к следованию ему.

Юридический закон, в отличие от естественного, есть насилие. Поэтому для своего осуществления он предполагает обязательное насилие.

Демократия определяется степенью несвободы.

Индивидуальность начинается с ограничения личной свободы.

Кладбище – последняя стадия единения индивидуального сознания с общественным стадом.

Пока есть возможность борьбы, есть возможность и победы.

Мир обречён быть вечно в переходном состоянии, несмотря на титанические условия стабилизировать своё состояние.

Те, кто громче всех призывают к поиску истины, обычно не могут отчетливо сформулировать, к чему зовут. Чаще всего ими движут повышенная эмоциональность некомпетентного ума, а иногда и просто плохое пищеварение.

Может ли человеческий ум создать логическое заключение (конструкцию), лежащую вне человеческой логики? И положительный, и отрицательный ответы лежат в её пределах.

Ищи не там, где находишь, но находи там, где не ищешь.

Сознание не есть «воспоминание», не «помрачение», но вечное состояние.

Афоризм подобен кванту мысли. Он ставит вопрос, иногда предлагает решение, но никогда его не обосновывает логически, предпочитая, подобно «черному ящику», сохранять его тайну, ослепляя лишь блеском конечного результата.

Стремление иметь домашних животных, особенно, кошек, собак, часто является компенсацией социальной неполноценности. В старости, часто, единственной.

Гения отличает не способ решения проблемы, а предчувствие её существования.

Полагая, что бог есть вечность, тем самым его ограничивают невечным, т. е. конечным. Если быть последовательным, то бог должен быть вневечным. Но здесь возникает: «должен быть ...»

Провозглашение абсолютной свободы для всех субъектов общества с неизбежностью приводит к закреплению и усилению неравенства, существующего в этом обществе.

Если раньше, в русской литературе XIX века, общество исторгало из себя личность, становящуюся индивидуальностью, то в XX веке индивидуальность отторгает от себя общество, теряя, часто, при этом собственную личность. Последнее особенно справедливо для Запада. Современная русская литература на пути к этому.

Знание образуют не отдельные «факты» наук, но совокупность их, объединённых в единую систему на концептуальной основе, фундамент которой заложен вне рассматриваемой системы.

Никто не знает, что такое правда, но никто и не сомневается в том, что она есть. Чем меньше человек знает, тем сильнее он склонен ей доверять. Точнее, верить в неё.

Игра есть способ установления дистанции от окружающего мира с тем, чтобы участвовать в нём.

Порнография – компенсация общества за несправедливость природы. Для 80 процентов людей любовь сводится к чистому сексу, и они пытаются компенсировать свою неспособность к любви стимулированием животного начала. И порнография, им в этом помогая, возвращает их к исходному уровню.

Ленин – максималист и тем самым неудобен большинству человечества. Ибо, как всякий гений, поднимет планку нравственных требований до максимальных высот.

Ленину не могут простить его идей, особенно попытки претворить их в жизнь. Сталину – то, что он стал Сталиным, а им обоим – решимости, с которой они добивались осуществления на практике своих убеждений.

Суть парадокса не в нем самом, но в ситуации, отражением которой он является.

Мужчина ценит в женщине не верность, но разнообразие, питаемое верностью. Он жаждет общения с женщиной, перед которой может снять маску, оказаться «без кожи», с осознанием этого.

Для человека вечность кончается с его смертью. Понятия вечности и смерти для него синонимы.

Вечность – попытка остановить время.

Путь к демократии вымощен диктатурой.

Лучший способ установить диктатуру – начать борьбу за демократию.

Демократия – школа диктатуры.

Журналистика – вторая древнейшая профессия, она следует за проституцией, опережая воровство.

Один из немецких князей ещё в XVIII веке заявлял со знанием дела, что там, где хотят иметь рабов, должно звучать много музыки. Наше время вполне впечатляюще подтвердило этот прогноз.

Интеллигенция живёт в верхних этажах здания человечества, часто забывая о том простом факте, что здание покоится на фундаменте материальной деятельности.

Стремление интеллектуальной элиты к усложнению и обобщению своих представлений определяется, во многом, подсознательным страхом обнаружить свою несостоятельность.

За простотой народного «примитива» часто скрывается интеллектуальная мощь деятельного человечества.

Лучший способ лишить человека будущего – это связать его собственным прошлым.

Самые непримиримые борцы за демократию – будущие диктаторы.

Индивидуализм исключает личность. Личность и индивидуализм несовместимы.

Современная культура создается и ориентируется посредственностью, рядящуюся в плащ элитарной утонченной духовности, либо в пеструю накидку коммивояжера.

Вечность – это бесконечная протяженность времени, слившегося в единый миг, или ещё точнее, в отрицание его существования.

Мы узнаём лишь то, что «знаем».

Наше «знание» формируется в виде неосознанных «афоризмов» на довербальном уровне, которые оформляются на сознательном уровне как комплекс мыслей, формируемых в дальнейшем рядом вопросов, с которыми мы обращаемся к себе, природе, обществу.

Больше всего о детстве сожалеет старость.

Бог в качестве высшего абсолюта необходимо вне нравственности.

Бог Ветхого Завета есть воплощение абсолютной власти в её идеальности замысла. Власти невидимой, непостижимой, но проявляемой в безусловности притязаний на свое осуществление. Которая вечна в утверждении своего существования: “Я есмь сущий”. И тем неоспорима.

Христианство зримостью одной из своих ипостасей (Христос) нарушило чистоту трансцендентности иудейского Бога, остановившись на полпути между язычеством и иудаизмом.

Гарантом нравственности общества должно быть само общество. Но не общество, которое основывает свою нравственность сакральным освящением свыше в лице Неба (Китай) или Бога (Европа), делегируемым ими генерацию нравственности и высший суд, но общество, берущее на себя ответственность за возникновение и поддержание нравственности, обуславливающее само своё существование нравственными критериями.

Многообразие мнений политиков требует единообразия их ответственности перед народом и государством.

И религия, и атеизм исходят из наличия определённого набора атрибутов, характеризующих некоторую высшую сущность и являющихся абсолютизацией бытия. Религия в качестве высшей сущности принимает Бога – высший абсолютный Абсолют, существующий вне связи с атрибутами бытия, но порождающий их. Атеизм принимает в качестве той же сущности материю, которая может существовать только в неразрывной связи с атрибутами бытия, непрерывно порождая и уничтожая их. Бог существует вне развития, материя саморазвивается, причем саморазвитие является условием её существования.

В конце концов, вопрос состоит в том, что предшествует: атрибут Абсолюта или Абсолют атрибуту. Первое может разрешиться только в случае снятия «предшественности» и замене на понятие «одновременности», «взаимообусловленности», т. к. атрибут не может существовать без сущности, подобно улыбке Чеширского Кота. Второе предполагает существование абсолютной сущности – Абсолюта (Бога или другого Абсолюта, как бы его не называли).

Коммунизм в России приобрёл характер религиозного отрицания христианства на материалистической основе. Поставив на место высшей абсолютной сущности материю бога, он, во многом, унаследовал догматику православия, произведя чисто внешние, косметические изменения. Характерна аналогия психологического состояния общества раннего христианства (периода апостолов) и первых десятилетий Советского государства, проникнутого ожиданием близкого наступления «царства Божьего» – «светлого Будущего» – коммунизма.

Христианство преодолело возникший кризис путём отнесения этого момента в неопределённое будущее, не связывая своё развитие с каким-либо общественно-государственными структурами, особенно на ранних стадиях, сосредоточившись на духовно-нравственной стороне деятельности людей. Коммунизм, в силу ряда исторических причин, оказался с самого начала жестко связан с государственностью вполне определённого типа, что, во многом, лишило его необходимой свободы выбора различных вариантов идеологических моделей и, в первую очередь, свободы нравственного выбора, развития личности в её стремлении к идеалу. Христианство, со времен ап. Павла, такую свободу допускало в определённых пределах.

Теория эволюционного развития человечества к единому обществу, построенному на основе западных ценностей, сродни теориям тепловой смерти Вселенной. И там, и там конечным итогом является некая усредненная однородная структура.

Христианство и коммунизм являются примерами дедуктивных моделей устройства общества, в которых догматы предшествовали их фактическому осуществлению. И обе они не выдержали столкновения с реальностями жизни: «Царство Божие» вынуждено было переселиться на Небо, а от коммунизма сталося щемящее чувство несостоявшейся иллюзии.

Человечество не может существовать в условиях гомогенной культуры.

Бог, оставляя человеку свободу нравственного выбора в земной жизни, сделал его тем самым и высшей судьей самому себе, ибо приговор свыше отсрочен до Страшного суда. И трудно сказать, кто на этом суде имеет больше морального права быть судьей.

Бог экспериментирует над людьми, человек – над морскими свинками. И там, и там – приговор без права апелляции

Притягательность религии определяется не столько верой, но иллюзией милосердия.

Духовные ценности вырабатываются практической деятельностью сообществ, более или менее замкнутых в пространстве и времени, формулируются языком религии и увенчивают развитие этапов культуры, тем самым стимулируя жизнеспособные сообщества к дальнейшему развитию.

Очевидно, что «индивидуальная» человеческая жизнь не является «общественной ценностью». Она представляет интерес лишь постольку, поскольку может служить топливом в горниле мировой истории для «выплавки» этих самых «общечеловеческих ценностей», которые, в конечном итоге, проецируются на нечто, находящееся вне человеческого бытия.

Человечество живёт в нескольких мирах своего существования: материальном мире практической деятельности, интеллектуальном, духовном, религиозном запредельном и т. д. Каждый из них стремится к абсолютизации своего бытия, ставя тем самым под вопрос не только свое существование, но и всего человечества в целом.

Христианство, впервые, обозначило историчность, – направленность, – развития человечества в будущее, при внеисторичности его основателя, отождествив бога-отца и бога-сына. Противоречие весьма характерное для человеческого самопознания.

Восточные представления о вечной борьбе Добра и Зла в полной смутного ожидания Чуда, охваченной духовным кризисом Иудее, воплотились через идею воскрешения в христианскую доктрину нравственной сопричастности к олицетворению Высшего Добра и Справедливости

– Богу. В отличие от дохристианских религий эта сопричастность осуществляется на духовном уровне, мерой которого является душа.

В христианстве важно не то, кем называл себя Иисус Христос, но то, кем его видели его последователи и какие представления с ним связывали. То же, впрочем, относится и к основателям других религий.

В успехе религии, часто, играют основную роль не сам «основатель», но его ближайший (по времени) наследник и последователь, акцентирующий в пропаганде её актуальные для данного момента аспекты исходного учения, которое, по необходимости, многопланово и эклектично. В христианстве роль такого проповедника взял на себя ап. Павел (и Петр?).

Доносительство на других редко вызывает одобрение в обществе. Но почему доносительство на себя, хотя бы в форме исповеди или покаяния, считается подвигом? К тому же, оно сродни самоубийству, осуждаемому церковью¹.

---

¹ Исповедь – одна из форм контроля над верующими и, по-видимому, это практическое соображение перевесило над нравственными коллизиями проблемы. Церковь нашла выход в том, что провозгласила сам факт исповеди высшей формой проявления нравственности, инверсировав высшую форму безнравственности (противоречащую к тому же биологическому инстинкту самосохранения – сохранению всего живого) в абсолютную нравственность – чистоту помыслов перед Богом, кото-

Назначение философии – быть в оппозиции осмысления действительного.

Истина – здесь побочный результат, если она, вообще, существует.

– Но это осмысление действительного, хотя и опосредственное.

Любовь есть идеальное отражение полового влечения, то есть сублимация секса.

Любовь – это эротическое отражение жажды приобщения к чуду. Именно поэтому, любая религия включает в себя эротический элемент.

В представлении о смерти для человека исчезает не тело, но единственно – это его «я». Именно это и ужасает.

Феминистические настроения есть всего лишь одно из выражений всепоглощающей сексуальности женщины. Мужчина в аналогичной ситуации ощущает чувство неполноценности.

На лице умного человека отражается прошлое, которое пребывает в нём в настоящем, заглядывая в будущее. Неумный человек – весь в будущем.

Истинная женщина оценивает итоги жизни по количеству выслушанных комплементов.

Они разрушаются? – Да, они почти исчезли. – Но они возникают вновь! – Они потому и возникали, что разрушились.

Свобода духа заключается не в отказе от всяких доктрин, а в поиске истинной, и в умении сохранить ей верность несмотря ни на что.

Политический центр всегда смещен вправо.

Эволюция запредельной морали в поощрительную, разрешающую, определяется глубиной нашего личностного чувства. Степень наслаждения при этом зависит от уровня открытости проявления этого чувства.

Не постановкой проблем различаются эпохи, но способами, предлагаемыми к их разрешению.

Наибольшее сострадание вызывает не само несчастье, но боль, им вызванная.

В отличие от традиционной философии марксизм предполагает не созерцательность мышления, но побуждение к действительности. Он предельно заострён и полемичен как жизнь. В этом его сила и одновременно слабость. И именно поэтому он приговорён к чаше с цикутой, подобно Сократа, демократами всех времён.

В философии, как и в политике, ищут не истину, но мнения, исходя из априорно поставленной цели (в виде гипотезы, аксиомы). В конечных выводах следы исходных гипотез тщательно уничтожаются, предоставляя поставленную цель в виде следствия. Но во всех вариантах неявно допускается существование «истины» в философии. Не правильнее перенести акценты с: «Что есть истина?» на «Есть ли истина?».

Философия XX века сменила исследование «глубин» метафизики XIX века на «горизонт» мысли (речи).

Философия играла роль прототуманности, из которой формировались звёздные тела отраслевых наук.

Философия и наука являются, по существу, формами современной мифологии.

Религия есть частное дело каждого. Наука – общее дело человечества.

Мир отвернулся, предоставив нам бесконечное блуждание в самих себе.

Вера – самый кровавый способ артикуляции истины, – истины веры.

Поэзия – это преодоление (борьба) жизни в стремлении обратить её в вечность – смерть.

Преступность – это «карнавал» нашего прошлого.

Память – это ожидание ожидаемого, произошедшего ожидаемого.

Любовь – разновидность сублимации полового инстинкта, отягощенная социальными ограничениями виртуальной реальности существования.

Любовь – высшая степень доверия. Влюблённый раскрыт полностью, и весь мир воспринимает таковым. Вспомним Отелло.

Настоящее завершается смертью – вечным прошлым. В этом смысле неизменность прошлого переходит в вечность «настоящего».

Методы изучения прошлого и будущего, по существу, не отличаются между собой: прогноз – точечная проверка фактами – интерпретация – обобщение (часто расширенное) – и вновь прогноз.

Личность начинается с осознания своей индивидуальности, но реализуется в умении ею управлять и целенаправленно проявлять её во внешней манифестации.

Юмор не создает целостной картины мира. Сатира её уничтожает.

Прятаться от мира надо там, где ты «не существуешь», т. е. в гуще мира, в его «толпе».

Для китайского мышления категории «дальнего» и «далекого» имеют первостепенное значение как атрибуты «Единого». «Ближнее» предполагается существованием «Единого» и в этом качестве в него входит. Отсюда, интерес к личности проявляется лишь в связи с приобщением к «Единому».

Для русского самопознания очевиден абсолютный примат внешней государственности, а не внутренней культурной идентичности. События XX века лишь подтверждают тот факт, что русские так и не осознали себя автаркической общностью. Они до сих пор пребывают в состоянии «социального небытия».

«Вечные вопросы» именно потому и остаются вечными, что на них не существует ответа в силу некорректности постановки этих вопросов.

Человек склонен скорее переоценивать свою способность к познанию, чем недооценивать.

Лишь троечники двигаются в истории. Порой весьма активно. А двигают её гении. Иногда, они отличники.

В сущности, родителей и детей ничего не связывает, кроме общих воспоминаний об их детстве.

Время человечества есть дерево, растущее из единого корня, каждая веточка которого оканчивается сухим отростком смерти конкретного человека, но у основания которой обязательно возникает живой побег детской поросли.

Он слишком обостренно воспринимал жизнь, чтобы продолжать жить.

Возвращение иллюзий часто заменяет реальность жизни.

Забывать можно всё, если есть в запасе вечность.

Самоубийца умирает, по крайней мере, трижды: для общества, для себя и для бога.

Безнравственно быть бедным. А жаль ...

Интеллектуальное холуйство является родовой чертой российской интеллигенции.

Любовь и смерть идут рядом, погружая сознание в небытие.

Свет в предсмертном туннеле возвращает человека в последний миг его земного бытия к световому шоку, испытанному им по выходе из материнского лона. Между этими двумя вспышками проходит вся жизнь: первый раз – наяву, второй раз – как последнее «прости».

... именно в состоянии наивысшего сексуального экстаза у любовников растворяются барьеры их собственной индивидуальности и они действуют как первичный мужчина и первоженщина, и, в конечном счете, сливаются в невызывающем мыслей экстазе, который растворяет их половую индивидуальность. То есть при каждом оргазме любовная пара, по своему, опрокидывается в исходную точку человеческого существования, отталкиваясь от которой дитя их любви проходит путь эволюции в обратном направлении.

Еще раз: «Нужно радоваться тому, что имеешь, и не сожалеть о том, тем не суждено обладать».

Без денег нет ни милого, ни шалаша, ни рая, – «естественная» мораль нашего «естественного» общества.

Групповые инстинкты до сих пор прорываются через плотный покров индивидуальности, хотя бы, в формах пузырей преступных банд, наркоманов, музыкальных стадных сборищ и т. д.

Наиболее близки к равноправию в любви гермафродиты.

В западном менталитете выявляются две доминирующие линии: стремление к самоизоляции индивидуума в приближении к абсолютной свободе и экономическая (как следствие, политическая) потребность общности, прикрытая психологической установкой достижения этой потребности через самоутверждение.

Любые реформаторы христианства, стремясь проникнуть в его сокровенное, обращались к его истокам, к Ветхому Завету, вольно или невольно, тем самым, сближаясь с иудаизмом.

На болоте индивидуализма и расцветают кикиморы и клише современной культуры. Они там «свои», «естественны».

В современной политической философии выделяются два крайних течения: одно из них отдает абсолютный приоритет правам личности, второе – столь же абсолютный авторитет правам коллектива. Истина, как всегда, лежит посередине.

Большевики, овладев Россией, ожидали полноценного ребёнка – социализма, но грубое изнасилование привело лишь к выкидышу. Но это не значит, что отныне нужно похоронить надежды на рождение нормального ребенка.

Чёрт – это часть моего действительного «я». Бог – тоже «я», но недостижимый. Красота указывает путь от первого «я» ко второму.

Наиболее полное выражение мужественности – раствориться в активном наполнении Вселенной своим «я».

Христианская любовь к Богу имеет наднравственный по отношению к нравственности индивидуума характер; приобретая черты «материнской», она становится, по существу, безнравственной.

Максимальное развитие собственной индивидуальности требует максимального взаимодействия с другими индивидуальностями вплоть до её растворения, отрицания.

Нравственность государства носит системный, надчеловеческий, характер. Политик должен всегда руководствоваться этим обстоятельством, поэтому, с точки зрения обывателя, он всегда аморален. Попытки декларировать или подменить системную нравственность государства индивидуальной моралью отдельной личности приводят неизбежно к популизму.

Государственность для русских есть условие существования, а права личности – один из возможных путей осуществления этого условия.

В бесконечных занятиях религией и философией мы с отчаянием убеждаемся в бессилии разума, перенося решение своих тупиков в небесную сферу, оправдывая собственную беспомощность непознаваемостью Высшего Существа.

Человечество всегда носит в себе свою историю и при возникновении соответствующих условий легко это обнаруживает.

При половом акте даже самый интеллектуально развитый мужчина обнаруживает ярко выраженного самца, причем художественно одарённые натуры видят в этом особое удовольствие.

Группы людей, объединенные общим эмоциональным зарядом, настроением, всегда обнаруживают черты первобытного стада – толпы.

Женщина, оказавшись неспособной создать идеал мужчины, предпочла отрицать необходимость его создания. Мужчина поступил благороднее, поклоняясь Мадонне и Афродите, воплощениям материнства и гетеры.

Современный тип женщины эволюционирует от «абсолютной матери» к «абсолютной проститутке».

«Абсолютная мать», по существу, совпадает с «абсолютной проституткой» – им безразличен конкретный мужчина.

Оргазм – есть мгновенное возвращение к состоянию нерасчлененности полов, к слиянию мужского и женского, к первобытному Хаосу.

«Психологию абсолютной женщины можно разложить до конца» (О. Венингер), но мужской психологический тип с его явно выраженным «я», при обращении к женщине невольно производит отождествление двух различных психологий, заставляя тем самым предполагать, что за финальным женским «ничего» скрывается «Великая пустота», т. е. нечто самоценное.

Понятие духовной ценности вылупилось из чувства животного наслаждения и заключает его в себе.

Религия должна основываться не на вере, а на иллюзии милосердия.

Культура есть открытая сфера бытия человека.

Любая абсолютная логическая система ведёт к абсурду.

Наиболее многозначна пустота.

Животные существуют всегда в настоящем. Для них нет ни бабушек, ни дедушек. И они не подозревают о возможности появления внуков.

Шидхидхаджа достиг такой степени святости, что ему было безразлично “обладать женщиной или нет” (см. Р. Нарайан). Интересно, а к собственной святости также относился?

Любопытно, что в истории известны по крайней мере два «палаточных дел мастера»: ап. Павел и Омар Хайям. Но прославились они в иных сферах деятельности, связанных с проповедями. В том числе, этических основ жизни. Но разошлись в направлениях этих основ. И весьма кардинально.

И вторая параллель: в истории известно, по крайней мере, два массовых интернациональных общественных движений; оба эти движения были движениями «по вере» – христианство и коммунизм; оба движения предлагали объединение на наднациональной основе при игнорировании национальных, культурных и других социальных различий народов.

Христианство уникальная религия среди прочих. Она с самого начала противопоставила себя традиционным ценностям, ценностям государственности, культуры, личностной основы существования индивидуальности человека и т. д., провозгласив абсолютный авторитет веры в сущее абстрактного начала. То же, впрочем, можно с известным приближением отнести и к буддизму.

И Ветхий и Новый заветы обеспечивают действенность своего существования непрерывными перетолкованиями своих канонических текстов. И сами тексты возникли как толкования самих себя в контексте изменчивой традиции. Эти толкования возникли в качестве актов сигнификации текстов в рамках семиотической матрицы действующей культуры. (См. Р. Барт)

Человек всегда погружен в мир истины. Но он об этом не подозревает.

Иисус настолько радикальным образом поставил Бога на первое место в своей жизни, что не оставил тому в ней место.

Бог есть потребность о необходимости нормального человека. И болезнь «просветлённого».

Христианство – это состоявшийся факт, не подлежащий объяснению. Единственно, что мы можем сделать – это проследить динамику формирования этого факта на фоне абсурдности и алогичности его догматов. Абсурд не может быть этическим, но он таковым стал.

Как могут «гоим» уничижающее и уничтожающее их, в буквальном смысле, положения принять в качестве предмета поклонения? Воистину, «верую, ибо абсурдно».

Говорить притчами обычно выражает стремление скрыть отсутствие реального содержания под прикрытием претензии на многозначительность.

Один из парадоксов христианства: Христос, крещенный Иоанном Крестителем, сам никого не крестил. Основатели его – апостолы, странным образом, не сподобились озаботиться

собственным крещением. Для Павла крещение также не воспринималось значимым делом. Он крестил, по собственному признанию, лишь одного новообращенного. Крещение (и исповедь) стали значимой процедурой лишь для сформировавшейся церкви (?).

Внятного доказательства деятельности апостолов, по видимому, до сих пор не существует. Вклад Петра в распространение христианства неясен. В Риме, Петр, скорее всего, не бывал. Первое послание Петра оканчивается приветом из Вавилона. По «Тольдот Иешу» Петр закончил свои дни в том же Вавилоне.

Об остальных апостолах ничего внятного не известно. Кстати, никто из них не сподобился «видениям». Т. е. они не имели опыта «общения в духе».

Павел в этом отношении был исключением. Правда, возникает вопрос о зрительном образе, им виденным. Ибо сам он Иисуса до этого не видел, а изображений того ещё не существовало. Нельзя видеть то, о чём не имеешь понятия. Его присутствие можно только эмоционально переживать, чувствовать.

Не осталось также и свидетельств современников о деятельности Павла, о пользовании его посланиями и следов собственно его миссий. Собственно, он приобрел известность лишь с появлением Маркиона с его канонем Евангелия. Основные мотивы проповеди Павла также не были приняты ранним христианством: противостояние с Ветхим Заветом, отрицание роли «дела» сравнительно с верой, отсутствие интереса к личности Иисуса и т. д.

Первым шагом к христианством была греческая Септуагинта.

Христианская церковь основана Петром – «апостолом обрезания», – обряда, который церковь категорически отвергла. История обычно предпочитает парадоксы.

Свобода совести является, по существу, свободой выбора церкви, её регламентирующей. И успешность Спасения определяется готовностью верующего к конформизму в принятии установлений этой церкви.

Различие между Ветхим и Новым Заветами: в первом – родство «по крови», во втором – «по Духу».

Слово (Христос) – «вторая», виртуальная, реальность (по сути, утверждение социальной значимости жизни в качестве греховной), вытекающая, но единосущная, из «первой реальности» – внебытийного сущего (Бога).

Наиболее старыми, но самыми успешными, примерами психологического управления толпой являются религиозные методы. Время их воздействия, как показывает жизнь, практически неограниченно.

Личное общение с Богом, по-видимому, впервые было артикулировано в текстах Благодарственных гимнов (?). Хотя и в позе покаяния и самоуничтожения. Христианство унаследовало и позу, и тональность.

В XX веке искусство с презрением отвергло естественность природы и со сладострастием бросилось в бездну деструктивности. Выбираться из которой оно, похоже, не собирается.

Краеугольным камнем демократии является бочка Линкольна. С тех пор изменилась, разве, её цена.

Отличие от христианства индуизм снимает с верующего ответственность за свершенное им: за всё отвечает только Бог. /см. эпизод с Арджуной в «Бхагавадгите»./

В сущности все религии основаны на идее преображения, переходе от старого мира в новый, через смерть (обряд инициации).

И христианство, и йога видят подлинную жизнь в уходе в иное бытие, в приобщении к абсолюту, хотя и различному. Общим является переход в состояние «вне времени и пространства». /см. М. Элиаде/.

И у Павла, и в йоге после такого перехода в «инобытие» происходит отказ от «ветхого тела» и обретение «мистического».

Нужно лишь «умереть для мира», идти «против мира».

Общим между йогой и квантовой механикой является стремление выхода человеческого сознания за пределы «профанного уровня» в «необусловленное».

С развитием Просвещения Иисус перестал существовать как личность, в которую верят. Её заменил свод догматов о нём.

Религия – это человеческий ответ на «священное», существующее в нас на уровне подсознания.

Христианство снижает статус Бога до уровня личности, с которой можно общаться обыкновенному человеку в форме убеждения добровольной любви, не отрицая необходимости отлучения. Иудаизм никогда не мог позволить себе деградации статуса Бога до уровня хотя бы «квазиличности».

Вера в Бога определяет направленность нашего переживания воспринимаемой реальности. Вера придаёт личностный характер этому переживанию.

«Сострадание» есть сочувствие в переживании, но оно не является прощением. Сострадать можно и в грехе.

Угроза наказания висит дамокловым мечом над проповедью Иисуса о милосердии.

Дары Бога не зависят от качества дел. Он милосерден ко всем одинаково. Он награждает «не за дела» (см. Мф. 20: 1-15).

«Вина» большевиков состоит в том, что они попытались осуществить христианскую утопию на земле, не надеясь на Бога. И христианскими методами: «не мир принёс я вам, но меч».

Служение собственной идее для Иисуса единственно существующее. И здесь он нетерпим.

Жизнь человека в качестве человека начинается после изгнания из Рая. Взамен ему даётся иллюзия возвращения.

«Обрести свет» для Иисуса значит слепо следовать за ним. В своих претензиях он не одинок.

Иисус не доказывает свои положения. Он призывает верить ему. Он прав в действительности такой технологии: людей нужно увлекать в потоке своей проповеди; их разум всегда дремлет сном обыденности, просыпаясь лишь иногда задним числом. И далеко не всегда.

Для Иисуса богатство само по себе не несёт негативную коннотацию. Но привязанность к нему отвлекает от служения Богу. Этого Иисус допустить не может.

Любая религия – это система тоталитарного поглощения существования, в первую очередь духовного, человека.

Первоначальное Царство Божие для всех на земле оказалось весьма быстро и решительно приватизировано в Царство Божие для себя в раннем христианстве и перемещено на Небо в целях исключения возможных эксцессов.

Идея личного вечного блага – это победа действительности человеческого эгоизма. Ср.: «Себялюбие и стяжательство стали средством в борьбе против себялюбия и стяжательства». /Н. Е. Зубер-Яникум. Об Учителе праведности/.

Приоритет «даров духовных» над жертвами материальными скрывал подмену исходного социального радикализма Кумранской общины (и раннего христианства) социальным конформизмом ап. Павла. /См.: там же/.

Трапеза стала символом реально отсутствующего коллективизма в земном бытии общества. О бытии небесного общества христианство предусмотрительно молчит.

Троица стала символом единства коллективного управления, единства его функционального существования. (Корни её, возможно, лежат в руководстве Кумранской общины тремя священниками – ааронитами.)

Смерть Христа отрицает существующую жизнь человечества.

Иисуса воскресила вера его последователей в исключительность его личности, их психологическая одержимость его «существованием».

Строки мирных договоров лишь прикрывают нерешенные проблемы военных действий.

Соотношение $\epsilon = hv$, заданное абсолютно, столь же бессмысленно, как и попытки абсолютного определения качества общества (типа: справедливости, демократичности и т. д.). Ибо понятия справедливости, как и энергии, неопределённые для любого конкретного состояния системы. Смысл определённости качества они приобретают лишь относительно другого её состояния.

Реальность нужно не столько понимать, сколько воспринимать такой, как она есть.

Бог нуждается в человеке, чтобы узнать, что он, Бог, есть.

Мы судорожно пытаемся забыть о факте существования Октября. Но призрак его неизбежно возникает при попытке задуматься о смысле своего существования. Хотя бы, о справедливости в жизни.

Разум закрепощает свободу. Санкхья и йога утверждают, что абсолютная свобода достигается абсолютным отказом от неё, – погружением в абсолютное «безмыслие».

Абсолютная свобода имеет своим предельным состоянием либо «хаос деяний», либо «окаменелость недеяния». Что, в сущности, одно и то же.

Будущее всегда неожиданно. Иначе, оно лишь воспроизведение комбинаций обломков прошлого. Поэтому оно и непредсказуемо.

«... нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит и без них, может быть, в нём совсем ничего не произошло.»

Иван Карамазов /Достоевский Ф. Братья Карамазовы/.

Между первой и второй мировыми войнами принципиальная разница: если первая мировая война была традиционной войной за передел территорий, то вторая – за господство идеологий, территория могла быть необязательным призом.

Вера – указание направления; любовь – способ его осуществления; надежда – уверенность в осуществлении, модальность движения в настоящем в направлении ожидаемого будущего. /См. А. Бадью/ Функционирование веры несёт в себе оттенок рациональности обоснования, любовь – вне его.

Любовь есть эмоциональная потребность восприятия человека – себя или другого. Поступки актуализируют её в жизненном пространстве.

Любая истина в своих претензиях на абсолютность, в конечном итоге, апеллирует к вере религиозного толка.

Богу не служат, но «живут в нём».

«Жизнь в Боге» – экзистенция веры.

Святой Дух не является заменой соответствующего образования.

/Св. Августин. По: B. Ramm. Protestant Biblical Interpretation./

«Грех» – это индивидуальное отклонение от нормы.

«Зло» – всеобщая категория морального уровня. Оно изменяется только преобразованием всего общества.

Йога – своеобразная попытка осмысления множественности профанного мира в качестве сакральной целостности через изменение масштаба рассмотрения – от хаоса к необусловленной неизменности.

Но при достижении самадхи человек теряет возможность осознания «единства с целым», он – сама целостность. Хотя достигнутая им «свобода» достигается слиянием с Высшим Существом (Ишварой), внешним по отношению к нему.

Человек создаёт возможное, руководствуясь невозможным.

Функционализм развития у природы и человека различны в своём существе: природа творит «по случаю», человек – руководствуясь «проектом», основанном на систематическом знании. В идеале, когда не срабатывает интуиция.

Число для человека – способ организации физического пространства, слово – социального. Для природы нет ни числа, ни слова.

Число, как и слово, может существовать только в составе разворачивающейся множественности в пространстве и времени. Для пифагорийцев число пространственно.

Зло также трансцендентно, как и Бог. Оно – есть. И о нём больше нечего сказать.

Грех можно искупить, хотя бы, в сознании его совершившего, зло – вне искупления.

Может ли существовать сознание вне смысла и содержания? Как поэзия? Искусство?

В будущем всегда возможен фермер с топориком ...

К революции готовы лишь те, кто верит в возможность изменения себя и условий своего существования. Большинство стремится сохранить существующее настоящее.

Социальность оформляет характер, обусловленный генетикой.

Человек формируется в виртуальном мире собственного самосознания. В реальный мир он лишь проецируется различными гранями своего «внутреннего человека», часто случайными.

Подлинное бытие для человека всегда вне времени. Небытие – всегда во времени. /См. все основные религии./

О переживании времени: В рае время отсутствует, но для человека он «всегда в прошлом». Будущее «никогда не наступает», но всегда связано с настоящим, т. е. – »вечное начало» времени. Бессознательное – вне времени, но лишь как ментальная конструкция.

Человек живёт в вечном процессе инициализации, следствием которого является изменение его социального статуса – его «вещной оболочки» при неизменности психологической основы происходящего.

Угнетает не одиночество, а самоощущение ненужности.

Абсолютность закона – такая же условность, как и традиции. Дело в привычности исполнения.

Суд Линча и суд присяжных – явления одного порядка. И там, и там, осуществляют исполнение непрофессионалы на основе эмоционального впечатления и традиции. Различие в уровне аффективности.

Время события, как минимум, есть продукт произошедшего события. Нет события – нет времени. Пространство всегда существует во времени? Или является сценой для развёртывания события?

Если общество не соответствует теории, то что-то из них нужно изменять. Или: и то, и другое. Примеры: деятельность Христа, Ленина.

Чтобы разрушить культуру, не надо атомной бомбы. Достаточно свободы и толерантности в бесконечности разговоров о них.

Современная философия и литература, по существу, выродились в разновидности игры в бисер, а журналистика – в поприще дилетантов «фельетонической эпохи», во взаимозависимой гармонии друг с другом.

Для греков будущее всегда оставалось за спиной, но к прошлому обращено было лицо:

В грядущее спиной
путь ищем в вечном страхе,
Но прошлое творят
глаза в истлевшем прахе.

Утопия – это всегда рационально сконструированное предписание к безусловному исполнению.

Люди создают и руководствуются в своих поступках иллюзией свободы при фактическом детерминизме неумолимой необходимости.

Реакция российского общества и её руководящей элиты на свои отношения с Западом всё больше напоминает стенания Расплюева в «Свадьбе Кречинского»: «Ну ударь раз, ну два, ну три! Но зачем же бить до бесчувствия?»

Физика уступила свою социализирующую роль биологии. И математика.

Наука пытается найти объяснения к случайностям бытия. Но говорит, в сущности, о самой себе.

Живёт не тот, кто дышит, ходит по земле и т. д., но тот, чье существование замечают окружающие, и отсутствие кого является для них утратой. Т. е. банальность: «Твоя жизнь есть отношение к тебе окружающих». Но признаётся с трудом.

Единственная программа развития культуры, направленная на развитие позитивного начала в культуре была реализована, несмотря на все издержки, в Советской России. Причём, на основе синтеза и традиции, а не деконструкции общественных смыслов.

Создав изначально ад, Бог сразу дал понять, что не намерен придерживаться провозглашаемой парадигмы христианской этики: воздай добром за совершённое зло. Здесь Он, скорее, согласен с ап. Павлом: делая добро, «ты соберёшь ему(грешнику) на голову горящие уголья». / посл. Римл., XII, 20/

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.